

его интерпретации. Слишком во многих областях мы превысили эти возможности. Полагаю, здраво сомневаясь в достоверности выводов о том, что все памятники рассматриваемого периода так или иначе выявлены, я получаю право на утверждение, что и общее количество памятников Прекукутени-Триполья не может быть обоснованно исчислено. Что процентное их отношение к общему числу памятников Кукутени-Триполья, а тем более количество их в виде 5 % от общего числа в 4 тыс. памятников — это лишь гипотезы на уровне мечты (все это изложено и показано в обсуждаемой работе, поэтому не даю уточненных ссылок). И еще, повторяюсь, мне непонятно стремление сократить длительность исследуемого периода. А уж замена аргументации чем-то вроде заклинаний только усиливает сомнения. Если автору эти наблюдения столь дороги и важны, лучше оставить их на уровне гипотезы.

Открытие стандартных наборов статуэток само по себе настолько важно и ценно, что не стоило бы его осложнять сомнительными положениями. Лучше бы снабдить это открытие соображениями автора о самих этих наборах, пусть и гипотетическими, но способными привлечь заинтересованное внимание.

Порчич М.

Эта статья представляет собой примечательную попытку извлечения культурной информации из двух наборов доисторических статуэток. Ключевые выводы автора заключаются в том, что раннетрипольские наборы статуэток структурированы определенным образом, по гендерным и возрастным признакам, представляя мифических родоначальников или дальних предков. Автор также утверждает, что находки одинаковых комплексов на различных поселениях отражают этническое единство ранней кукутенско-трипольской культуры. В данной статье имеется несколько интересных моментов.

1. Классификация статуэток и внутренняя структура комплексов. На мой взгляд, существует только три признака, безусловно общих для находок из Подури и Исаяи — общее число статуэток (21), число стульчиков и сидящих на них фигурок (13), и, возможно, группа из 7 фигурок с определенным значением. Сделанная И. В. Палагудой попытка установить структурную равнозначность двух комплексов и его утверждение о том, что в наборах представлены 6 мужчин и 7 женщин, сидящих на стульчиках, убедительны, но существуют и иные варианты классификации этих фигурок. В Подури, если принять, что наиболее актуальным атрибутом для гендерной идентификации является наличие груди и слитных ног, нет никаких причин, чтобы исключить фигурки 14, 15 и 16 (Палагута, настоящая издание: рис. 2) из женской группы. Только по наличию на бедрах крашеного орнамента фигурки 7–13 будут образовывать отдельную группу, отличную от других трех статуэток с грудью. Включение фигурки 6 из Подури в мужскую группу сидящих статуэток также может быть поставлено под сомнение, так как эта фигурка морфологически более схожа

с группой меньших статуэток из комплекса в Подури (Палагута, настоящее издание: рис. 2: 18, 19, 20). Единственным аргументом в пользу отнесения ее к мужской группе является наличие разомкнутых ног.

Ситуация в комплексе из Исаи тоже сложная. Присутствие грудей ясно определяет группу из 7 фигурок. Раздельные ноги присутствуют у 4 фигурок, которые также имеют углубленный декор на бедрах. Остальные фигурки больше похожи друг на друга, чем на те, которые образуют группы, кроме фигурок 5 и 6, которые имеют уплощенную спину и были, по-видимому, сидящими. Автор делает вывод, что эти две фигурки мужские, потому что в таком случае структура набора будет аналогична найденному в Подури — 6 мужчин и 7 женщин. Хватило бы минимального вывода о том, что в обоих комплексах есть 7 сидящих фигурок с относительно однородными атрибутами, а другие сидящие фигурки более разнообразны по внешнему виду без четких критериев для определения их как мужских (особенно фигурки 5 и 6 из Исаи).

В обоих наборах один из стульчиков отличен от остальных 12 — это стульчик с двумя «рогами». Какая фигурка сидела на этом стульчике? Если мы примем интерпретацию И. В. Палагута, что здесь 7 женских и 6 мужских фигурок, и если мы предположим симметрию в организации набора, то это подразумевает, что на стуле будет сидеть женская фигурка. Такая группировка может быть интерпретирована как матрилинейная группа с основательницей линиджа. Вариативность мужских фигурок хорошо подходила бы к такой интерпретации — женщины более единообразны, потому что они происходят из одного рода, тогда как мужчины различны, поскольку приходят из других линиджей. Однако матрилинейность не является той моделью родства, которая возможна в неолитической Европе, где, наоборот, представлены свидетельства патрилокальности — как в Западной Европе (Bentley et al. 2002), так и на Балканах (Stefanović 2008; Порчий 2011). Однако самая большая проблема в исследовании этой темы, как и любой подобной, заключается в том, что нет никакого способа независимой проверки предложенных сценариев.

Также интересно отметить, что число 21 примерно соответствует числу взрослых индивидов в популяции около 50 человек и, возможно, отражает идеальную структуру деревни, состоящей из одной родовой группы. Но, опять же, нет возможности это проверить. Основание моей точки зрения здесь в том, что нет определенного способа ограничить наши интерпретации структуры наборов какими-либо рамками.

2. Визуальное представление и социальная реальность. Область визуального представления лишь в общих чертах ограничивается реальностью. Люди могут выбрать для представления вещи и слова, которые не существуют. Мы можем предполагать, что даже когда люди изобретают мифические сюжеты, они, вероятно, включают в них свой прошлый или настоящий социальный опыт (к примеру, доисторические охотники и собиратели вряд ли изобретали бы мифические нарративы, представленные в визуальной или иной форме, которые были бы связаны с социальными явлениями, относящимися к государству или другим сложным формам социальной организации). Но это предположение нуждается в проверке, и даже если оно правильно, не является достаточным основанием для вывода о визуальном представлении одних только социальных реалий. И. В. Палагута считает, что статуэтки раннетрипольско-прекукутенских

памятников представляют реальную или воображаемую иерархически организованную группу. Учитывая (предполагаемые) свойства раннетрипольского общества, он приходит к выводу, что эта иерархия фигурок, вероятно, отражает половозрастную иерархию. Эта интерпретация представляется разумной и привлекательной, но она опирается на наше решение интерпретировать некоторые атрибуты (например, наличие стула) как соответствующие показатели иерархии. Сам факт того, что я считаю этот критерий логическим и интуитивным, заставляет меня задаться вопросом о том, насколько его принятие является следствием моих собственных представлений о преистории. Так, независимо от того факта, что визуальные представления в определенной степени ограничены реальностью, мы встаем на очень скользкую почву, когда пытаемся вывести социальные отношения, воображаемые или реальные, только из этих визуальных представлений.

3. Число статуэток, их использование и контекст. И. В. Палагута упоминает, что на некоторых поселениях есть серии, превышающие по числу 21 статуэтку. Это может быть интерпретировано двумя путями: 1) на одном поселении существовало несколько наборов статуэток; 2) в поселке был один набор фигурок, но срок его использования был ограниченным, т. е. он периодически сменялся. Возникает вопрос: почему эти фигурки оставляли в жилище после того, как его покинули, что послужило причиной самого оставления раннетрипольско-прекукутенских построек? Может ли это быть связано с гипотезой Чепмена о преднамеренной структурированной укладке артефактов перед оставлением дома по истечении срока его использования (Chapman 1999)? Сколько статуэток использовалось одновременно? Есть ли корреляция между числом домов и числом статуэток? Каково соотношение статуэток и построек на раннетрипольских поселениях?

4. Пространственно-временное распределение стилистических атрибутов и наборы фигурок. Факт стилистической близости и такой же структурной близости между комплексами статуэток в пределах ареала, населенного раннетрипольскими популяциями, не обязательно должен быть отражением коллективной идентичности и этнического единства. Учитывая относительно высокие оценки темпов роста населения и расселения на значительное расстояние между исходным местом обитания и вновь создаваемыми поселениями, филогенез представляется более вероятным сценарием, чем этногенез (см.: Tehrani, Collard 2002). Сходство может быть связано с общим происхождением и не обязательно — с общей коллективной идентичностью и интенсивным взаимодействием между коллективами. Единственный способ решить, какая из этих двух гипотез более корректна — выполнить формальный филогенетический анализ материала.

В целом проведенное исследование, конечно, является интересной попыткой разрушить традиционные подходы в интерпретации доисторической пластики. Основным достоинством данной работы является четко заданное стремление изучить вариации формальных признаков статуэток и структуры наборов статуэток на фоне общих характеристик культуры, таких как динамика народонаселения, социальная структура и археологический контекст. Это хороший пример того, как могут быть реализованы на практике методологические рекомендации П. Ако (Biehl 2006; Ucko 1962, 1968). Тем не менее, когда дело

доходит до иконографии (например, до идентификации воплощенных в фигурках персонажей как божеств, предков или реальных людей), существует не так много возможностей это сделать — основная проблема заключается в том, что большинство гипотез, какими бы гениальными они не были, не могут быть проверены эмпирически. И. В. Палагута оказался здесь в несколько лучшем положении, потому что у него было два комплекса, — он смог использовать один комплекс для проверки «предсказаний», основанных на наблюдениях над другим, для того чтобы попытаться сделать вывод о «стратегии кодирования» (Lesure 2002). Как мне кажется, эти усилия оказались в некоторой степени успешными, но даже при наличии двух коллекций многие вопросы остались без ответа. Это не должно удивлять, учитывая сложность задач, с которыми сталкиваются археологи, пытаясь выявить значение доисторических визуальных представлений.

Литература

- Bentley R. A., Price T. D., Lüning J., Gronenborn D., Wahl J., Fullagar P. D.* 2002. Pre-historic migration in Europe: Strontium isotope analysis of Early Neolithic skeletons // *CAn* 43, 799–804.
- Biehl P. F.* 2006. Figurines in action: Methods and theories in figurine research // Layton R., Shennan S., Stone P. (eds.). *A Future for Archaeology*. London: UCL Press, 199–215.
- Chapman J.* 1999. Deliberate house-burning in the prehistory of Central and Eastern Europe // Gustaffson A., Karlsson H. (eds.). *Glyfer och arkeologiska rum: En vänbok till Jarl Nordbladh*. Göteborg: University of Göteborg Press, 113–126.
- Lesure R. G.* 2002. The goddess diffracted: Thinking about the figurines of early villages // *CAn* 43, 587–610.
- Stefanović S.* 2008. Late Neolithic boys at the Gomolava cemetery (Serbia) // Bacvarov K. (ed.). *Babies Reborn: Infant/Child Burials in Pre- and Protohistory*. Oxford: Archaeopress, 95–99.
- Tehrani J., Collard M.* 2002. Investigating cultural evolution through biological phylogenetic analyses of Turkmen textiles // *JAA* 21, 443–463.
- Ucko P. J.* 1962. The interpretation of prehistoric anthropomorphic figurines // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 92: 38–54.
- Ucko P. J.* 1968. *Anthropomorphic Figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete With Comparative Material From the Prehistoric Near East and Mainland Greece*. London: Andrew Szmidla.
- Порчић М.* 2011. Обрасци брачног пребивања каснонеолитских заједница винчанске културе // *Етноантрополошки проблеми* 6 (2): 497–512.